

ХАРЪ

СТИХИ

ХАРЪ
ХАРЪ

Владимир Захаров
Заразная кобылка

«Accent Graphics communications»

2019

Захаров В.

Заразная кобылка / В. Захаров — «Accent Graphics communications», 2019

Аннотация – вид рекламы. Поэзия и реклама – разные жанры. Поэзия это магия. Магия это категория веры. В поэзию можно верить, а можно не верить. Тут – кому как.

Содержание

Плохо	5
Девчонка	6
Вспомнишь	7
Телеграмма	8
У дороги	9
Не извинишь	10
Пьедесталы	11
Представление	12
Маска Наполеона	13
Зима снилась	14
У Гоголя	16
Фрагменты	17
I	17
II	19
III	20
IV	21
V	23
VI	24
Реставрация	25
Осень на улице 8-го марта	26
Голодное Одиночество	27
Бессонница	28
Не отвергай	30
Рассвет	31
Никак	32
Отражения	33
CASUS	34
Реквием	35
Вечность	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Владимир Захаров

Заразная кобылка

Плохо

Поэзия – дыханье Бога,
Поэзии нужна эпоха;
Поэтов много на Земле...
И это плохо.

Девчонка

Меня не заставит поверить никто,
Не скажет: представь, дорогой,
Она невзначай распахнула пальто,
Чтоб соприкоснуться с тобой;
Она, как удав, на тебя глядела,
Ресницами небо рисуя,
Чтоб ты удержал её жаркое тело,
Обмякшее от поцелуя;
Она говорила тебе непрерывно,
По ветру слова рассыпала,
Чтоб ты её помнил в неведомых странах,
Где тоже девчонок немало.

Вспомнишь

Вспомни меня, когда будешь одна,
Будешь лежать в ожидании сна;
Если в окошко заглянет Луна,
Справа и слева белеет стена,
Если, как кошка, скребётся вина,
Падать и падать до самого дна –
Там похоронена вся тишина,
Та, что напомнит тебе про меня.

Телеграмма

Телеграф принёс мне весть:
Приезжай. Погибаю. Торопись.
Засмеялся – режут жезь –
Кто? Откуда? Злись!
Сел в космический экспресс
И в огне калится сталь,
Я, покуда, ещё здесь,
Скоро – вдаль!
Нарисованы улыбки,
Продиктованы слова,
Чайник тужится на плитке,
Пахнут розы и халва.
Проклинать, или молиться,
Или – вешаться иудой,
Эти ношенные лица
Я забуду.
Время сложено в тетрадку
Белым светом на листах,
Улетаю без оглядки
Ниоткуда в никуда.
В междузвёздной пустоте,
Отгореть бедой-кометой!..
Я ещё не знаю – где,
Но уже я знаю – где-то.

У дороги

Любовь великая, как сами боги,
Которая жила только тем, что любила,
Распяла меня у начала дороги,
У дороги к небу меня пригвоздила.

Подходили многие, орали: счастливый?! –
В упругое тело железо втыкали,
А я всё смотрел на бескрайние нивы,
Я видел так близко далёкие дали!

Я мог воспарить высоко от земли бы,
Как Солнце желанное, всё освещая,
Но я позабыл, что рабы, это рыбы,
Которые смотрят на мир не мигая.

А может, бессмертные души
Ржавеют от крови и пота,
И свет им небесный не нужен,
А только нужна позолота.

Не извинишь

Извини, тебя обидел,
Глазки слёзками полны –
Я не Ангел, не Святитель,
Извини.

Я твоей души порывы
Не воспринимал как нужно,
Говорил велеречиво
С тою девкой равнодушной.

Прибавлял на единицу,
Прикасался я ко льду,
Отпускал тебя, как птицу
Отпускают в высоту.

Не пришёл туда, где больно,
Не вознёс на гору крест,
Потерял тебя невольно
В чередё своих невест.

Годы скоро сбились в стаю,
То ли были, то ли сны –
Я тебя не забываю –
Извини.

Пьедесталы

Жизнь течёт рекою пресной,
В бездну моря путь неблизкий –
Пьедесталам стало тесно,
Пьедесталам стало низко!

Взгромоздились тут, и паки
Застят свет, бросают тени,
Грозно бронзовые зраки
Расставляют точки зрений.

Умереть, или продаться?
Иль душою заболеть?
Низость хочет возвышаться,
Жизнь стремится бронзоветь.

Не избегнет этой доли
Ни придурок, ни изгой,
Коль родился, то неволей
Жилы рви и землю рой.

Время явит правоту
Каина ли, Авеля,
В бытность ону и Христу
Объясняли правила.

И только тот, чей пьедестал за облаками
Сокрыт от этих кровожадных орд,
Мог улыбнуться и взмахнуть руками –
Могуч, незыблем, горд!

Представление

Небеса, белы от зноя,
Никого не трогали –
Божий сын идёт с сумою
К маленькому Гоголю.

Улицы и переулки,
Липы там, да тополи,
По асфальту топот гулкий
К маленькому Гоголю.

Солнце греет Землю даром,
Пролетая около,
Что? – Христос идёт бульваром
К маленькому Гоголю.

Граждане сороконожки
Ахали и охали,
Вызывали неотложки
К маленькому Гоголю.

Все они уже слышали
Про Христа и Гоголя:
Жили-были-умирали,
Коротко ли, долго ли.

Маска Наполеона

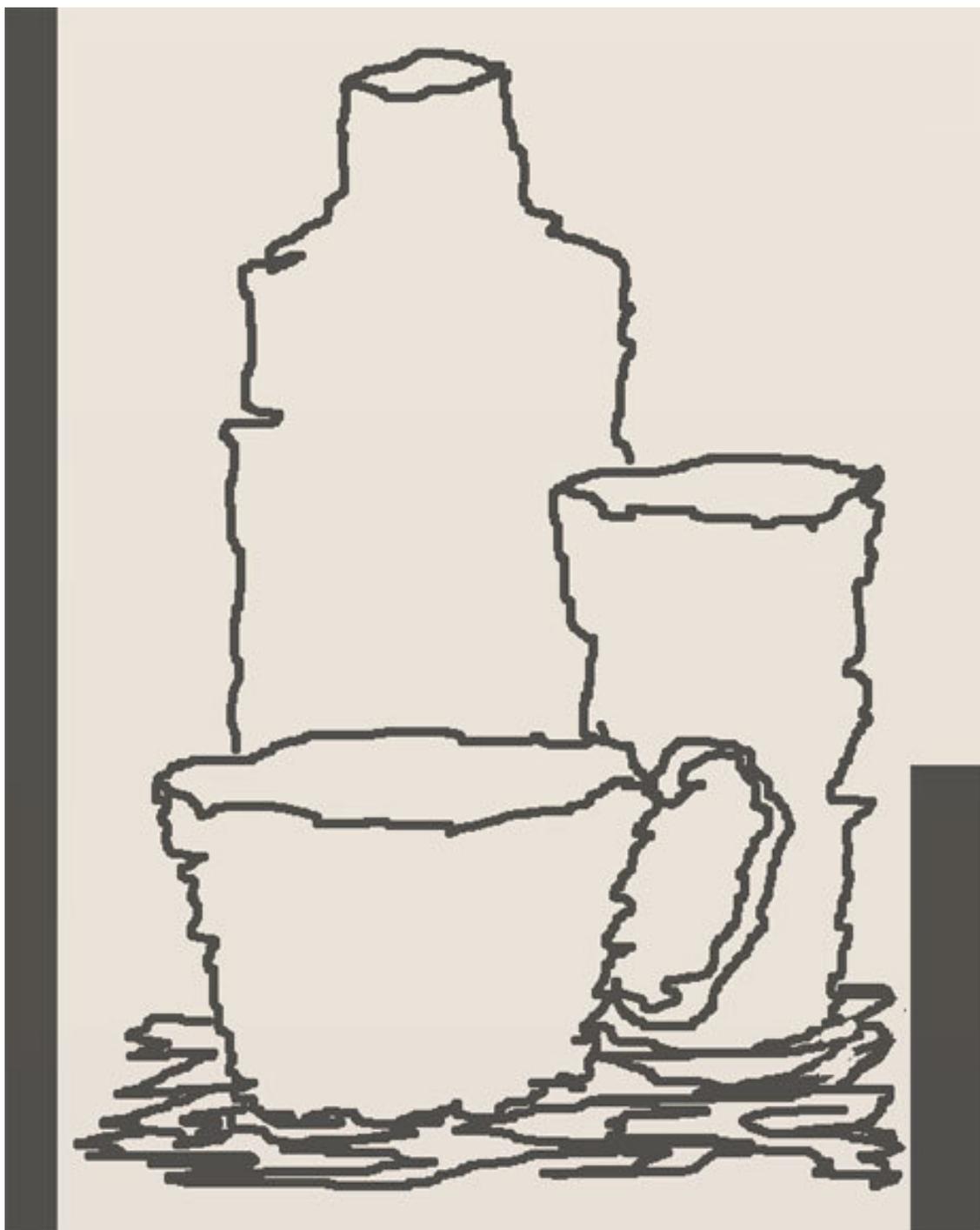
Были бы злыми –
Стали бы гордыми,
Были бы добрыми –
Стали бы мёртвыми;
Юности дали
Старость не ждали,
Молнии кобрами
Наземь упали...
А что нам бури
В небесной сфере?
По крайней мере,
В объятьях фурий
Хищны, как звери;
Ломились в двери,
Искали смерти –
Клубились черти,
Роились пчёлки,
Кружили волки
В овечьей шкуре;
Простор – не воля,
Судьба – не доля...
Из кубиков построим время,
Напишем на песке поэмы,
Увидим в зеркале Сократа,
Нам не поверят – и не надо!
Но мы-то знаем: это чудо,
Мы думаем, что небо низко,
Мы слышим: неземные визги
Доносятся как раз оттуда!
Звеня горячей медью славы,
Вторгаемся в чужие страны;
Победа достаётся правым,
А боги улыбаются странным!..
Как на Святой Елене скалы
Приютили дух лукавый,
Это он раскрасил дали
Цветом пепельно-кровавым...

Зима снилась

Зима мне снилась, жуткая зима;
Я босиком бежал куда-то,
Светили окнами дома
Урбанистического ада.

И тучи из стекла и стали,
Фасадами высоток сжаты,
Весёлой выюгою стекали
На кружевные автострады.

А звёзды, с неба наклонясь,
Как овцы смирные, всем стадом
Опять смотрели на меня,
Меня, бегущего куда-то.

У Гоголя

Ну что ты, Гоголь, так посмотрел,
Как будто я здесь не в расчёт?
Позволь, я сотру с пьедестала мел,
А с кудрей птичий помёт.

Небось, надоело сидеть сто лет,
Ну что же, присяду с тобой,
Заметил? – я тоже стремлюсь мертвенеть
И тоже бессмертен душой.

Гляди – две девчонки косятся на нас,
Наверное, им нелегко
Поверить, что классики здесь и сейчас,
Не нужно ходить далеко.

Давай-ка сыграем в немое кино –
Покажем язык невзначай...
А, впрочем, язык они знают давно,
Гляжу, не француженки, чай.

А вот бы пройтись по бульвару к Тверской,
Там есть неплохой гастроном,
Ведь можно прельщаться вселенской виной,
А можно прельститься вином.

Отыщем местечко, где нас не погонят,
Подальше от зрячих окон,
В России, покуда тебя не схоронят,
Надёжней не лезть на рожон.

Эх, годы-столетья идут, а менты,
По-прежнему бдят на постах,
Их взгляды пристрастные просто чисты,
И вера в основы свята.

Сейчас подойдут посмотреть документ,
Попросят пройти – и привет,
Ведь им всё равно: кто здесь есть монумент,
А кто без прописки поэт.

Фрагменты

I

Проститутка с души не счистит нагара,
А друзья отвернулись и продали,
Мне улыбка сейчас, как бесценный подарок,
Дороже, чем мир меж народами.

Оскорблённый, униженный,
Богом обиженный,
Безгрешный, невинный,
Параноик, чахоточный,
Куда мне идти? – в винный!
Куда мне идти? – в водочный!

Конечно, «Столичная» зверь!
А «Мурфатлар» вздор.
У меня есть два-сорок-две,
Честные! Я не вор.

А поднимите-ка очи – пред
Вами огромная, злая змея,
Это называется очередь,
У каждого очередь своя.
О серебро позвякивают медяки,
Ах, Боже ж мой, какие все вы чудяки!

А ну, распахните-ка двери,
И расступитесь живей,
Смотрите, смотрите, братья по вере,
У меня есть два-сорок-две!

Не жажда, не голод, не страх,
Я просто душою болею,
И я не хочу, чтоб в моих городах
По улицам ползали змеи.

Гляди – не бумага тленная,
Потрогай – презренный металл,
За который мы покупаем бесценное
И наливаем в Грааль.

Идите за мною, и обретете
Нечто, наподобие вечности...
Вот только не надо, дяди и тётки,

Протягивать ко мне конечности,
Пустое!

Змея головою
Шипит со злобой:
«Он что, лучше нас?»
Конечно! Ещё бы!
А был бы я хуже –
Стоял бы снаружи
На нервах и в давке,
А я у прилавка!
Возможно, я новый Христос,
И буду любить вас взасос!
И скоро вы это поймёте,
Любезные дяди и тёти.

II

Где друзья? –
Отвернулись и продали,
У них жёны,
Все перед родами,
То есть, на сносях.
А где мои жёны? Вот –
Трах-та-ра-рах! –
Дефилирует парочка, женский род.

Рыбаку и удочка,
А индусу Дели...
Слева – в жёлтой курточке,
Руки как пропеллер,
Держит сумочку,
Сумочкой машет,
Молвит: Маша...
Другая как бы не при деле,
Стоит, молчит, жуёт слова –
Она на страже,
Она права.

Ну что же, Маша,
Всё это просто замечательно,
У вас наглядная натура
И взгляд у вас очень мечтательный
Особенно прекрасны ваши длинные ноги,
Они выдают благородную статью,
По этой прямой и широкой дороге
Таковыми ногами удобно шагать.

Вперёд по жизни
Назло харизме!

Ого, девчонки, уже пошли?
А мамы говорили вам, что мужики козлы?..

Ой, гуляй, пошаливай,
Русская душоночка,
А где ж ты, моя милка,
Берестовская девчоночка!

III

Ну, довольно грёзы дыбить,
Поцвело и отцвело,
Значит, это повод выпить? –
Хорошо пошло.
Значит, можно и вторую? –
Можно всё, пока живу я
Ве-се-ло!

Где друзья? – продали.
Где Россия? – пропили.
Где аванс? – не выдали.
Где покой? – в обители.

Напиши петицию,
Заяви в полицию!
Полицаи – ля-ля-ля,
Сосенки да тополя!

Э-э-э-эх,
Гуляй,
Пошаливай,
Пропивай,
Разваливай!

IV

Ресторан – не по карману,
Забегаловка – позор,
Провалиться мне в сметану,
Бар – вот это разговор.

Мэн на денежки голодный,
С денежками жить не скучно,
Я возьму «Международный»,
Дёшево, но звучно!

Диско, диско, диско, диско –
Топот ног, гудит бетон,
Свет зелёный тонет в визге,
Дым табачный лижет фон...

Не хватает стриптиза и виски,
И это безнадёжно.

Какая-то вульгарная дура
Попросила спички,
Прислонилась к вульгарной табличке:
«У нас НЕ курят!»

Девочка у стойки
Согнула пальчик,
Подружке громко:
«Хороший мальчик!» –
Кивает на стульчик:
Бабки есть? Присядь...
Наверное, распущенная,
Блядь.

Пожилая пара
Пожимает плечи,
Лишились дара
Речи.
И из тёмного угла
Только глаз свечение:
Молодёжь пошла,
Развлечения...

Диско, диско, диско, диско, –
Топот ног, гудит бетон,
Свет зелёный тонет в визге,
Дым табачный лижет фон...

V

Ветер бежал застигнутым вором,
Нанизал на проспекты площади,
Получились кубиковые бусы –
Город.

Везде указатели, стрелочки
В правильном направлении ведут,
Главное, чтоб двигаться, подобно белочке,
В колесе истории, тут.

А хочешь быть успешней,
Двигайся поспешней!
Опять грандиозные планы
Должны мы осуществлять,
Горят голубые экраны,
И спелые вишни горят.
Успешные белочки рьяно
Вбивают калёные гвозди
В мозги нерадивым баранам...
Белочки звёзды.

Ты грешный?.. Невинный?..
Параноик?.. Чахоточный?..
Куда идти? – в винный!
Куда идти? – в водочный!

Ах, бедные граждане, бедные,
Оставьте пристрастия вредные!

VI

Натянула Земля одеяло
По самые плечи,
На Западе щель,
Вечер.

На небе луна золотая,
Таинственной силы полна,
На прочих людей не влияет,
А некоторым – не до сна.
И вдруг в темноте услышишь
Шуршание тихое здесь,
Наверное, это мыши,
А может быть, Ангел с небес.
Ведь завтрашний день наступит,
Светило отправится в путь,
И иерихонские трубы
На смену народ призовут.
И массы трудящихся вместе
К рабочим местам зашагают,
А место моё на месте,
Где, собственно, я пребываю.

Ходить со всеми строем,
Я, право, недостоин.

Реставрация

Белыми ручками было схвачено
Как раз то, что самое главное...
И было сторицей уплачено,
И были движения плавные,
И был отремонтирован паровоз,
И ветры были накачены,
И прятал золото в навоз
Крестьянин раскулаченный...
А звёздочка Альфа Ориона
Соседке бубнила на ушко:
«Ты знаешь?.. Я от Скорпиона...» –
И ахала подружка...
Ещё – один пиита,
Восседая на подушке,
Проповедовал пьянчужке
О том, что всё давно пропито.
И та его целовала,
Головку клала себе на колени,
Потому что она распознала
В нём стратега ужасных сражений.
Скоро гости придут к ней. Все, все,
Все хотят напиться от Гения –
Разольют портвейн, потечёт бесе –
да! В народе назрело брожение.
А в это время в клетке золочёной
Попка сидел взъерошенный,
Вдруг он проворчал отрешённо:
«Я недоношенный...»
Но ему не перепало внимания
От представителей интеллигенции,
Ведь все они страдают какой-нибудь манией,
Или модной теперь экстрасенсией.

Осень на улице 8-го марта

Похожу по прелым листьям
В парке взад-вперёд...
Где душе ранимой пристань?
Где у ней полёт?

Там, за жёлтою стеною,
От меня сокрыт
Мир, объятый Сатаною –
Воет, дребезжит.

Мне же дела никакого
До чужих проблем,
Я вынашиваю слово,
А потом поем.

Тётя добрая в халате
Даст лекарство мне,
Я прилягу на кровати,
Отвернусь к стене.

Столбики четверостиший,
Стопками хорей...
Дело в том, что я там лишний,
Без меня складней.

Голодное Одиночество

Я был один, и было так чудно –
За стенкой мерно речь шипела,
На стенке узкое окно,
Там бездна-ночь остекленела.

И, если нечем здесь заняться,
Тогда я стану выживать,
Чтоб золотые «девятнадцать»
Потом на «двадцать» разменять.

Прошёл прохожий однорукий,
А мне без дела, всё равно,
Я просто в этот миг, от скуки,
Взглянул на улицу, в окно.

В кармане «Беломора» пачка...
Американцы идиоты!
У них одна забота – жвачка –
Я им советую работать.

Ещё – несчастны рядовые,
Медсёстры, кошки и собаки,
И в этом явно роковые,
Зловещие таятся знаки.

«Ну, вот и всё, – сказала папироса, –
Давай вставай, поэт, пойдём курить.
Ты знаешь что, не вешай носа,
Хотя... не мне тебя учить».

Бессонница

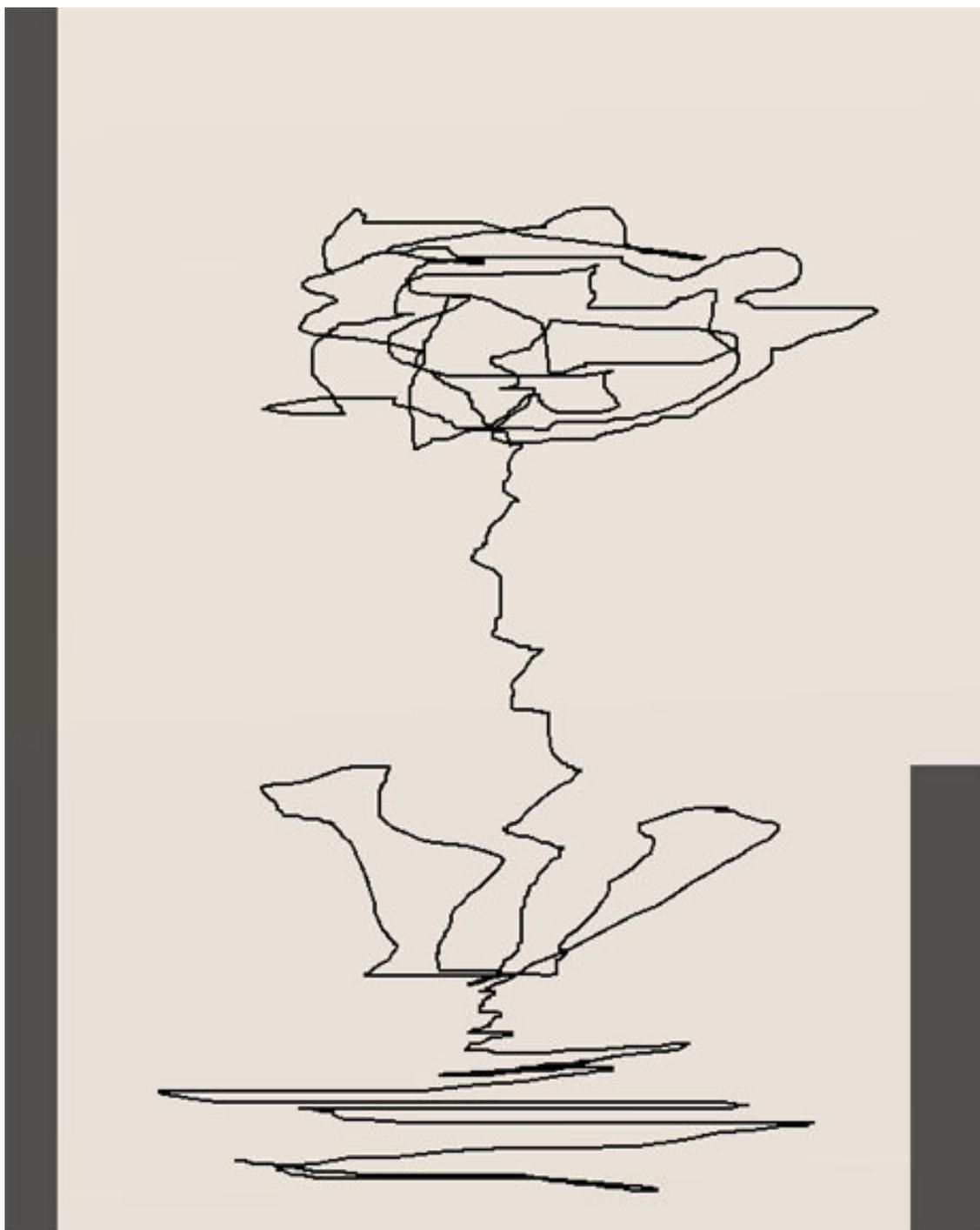
Тик-так... Бесконечен
Маятник часов,
Над свечой растаял вечер,
Двери на засов.

Ночь коснётся старых ран
И занюют раны,
Лютый ветер белых стран
Студит океаны.

В церкви у попа работа,
Надевает рясу снова,
Прихожане алчут плоти,
Алчут крови Бога Слова.

Грозный рык чудовищ страшных
Над землёю зависает,
Сорок рыцарей отважных
В чисто поле выезжают.

Горько плачет мать старуха,
Провожая их далече...
Юный Ричард синеокий,
Юный Ричард изувечен.

Не отвергай

Не отвергай моих усилий,
Отвергнутый, сойду с ума,
Пойду скитаться по России,
Как беспощадная чума.
Как демон, миру чужеродный,
С пустой душою, с сердцем злым,
А ведь в глазах твоих холодных,
Я отражался не таким.

Рассвет

«Не смей...» – раскрылись её губы,
Её дыхание... а, впрочем,
Горнисты продували трубы,
Их голос чист, высок и точен,
Их песня по небу летела,
От горизонта отражалась
И небо тут же заалело,
И солнце встало!

А старикашка трубочист
Кряхтя, вскарабкался на крышу,
Его я больше не увижу,
Он больше не захочет вниз.

«Не смей...» – Она была пираньей,
Но я уже забыл про это,
Ведь восхождение жуанье
Всегда кончается с рассветом.

Никак

Голова моя садовая,
Как её понурил с вечера,
Так видения бредовые
Одолели. Делать нечего...

Бесперывные страдания,
Непредвиденные сложности,
Бесприютные скитания,
Иллюзорные возможности,
Зашифрованные истины,
Безрассудные мечтания –
Завалили город листьями...
Наше время – увядание.

Как оборванные ниточки,
Как обгрызенное яблочко,
Как слепой котёнок с мисочки,
Как на стенке в шаре лампочка...

Отражения

Отражается небо скорбное
В тусклом зеркале лужи,
Я увидел: там тени чёрные,
То ли Ангелы, то ли хуже.

Бесперывные ливни и молнии,
Бесконечного бунта волнения,
Драгоценную чашу наполнили,
Чашу моего терпения.

Как мне вынести этот груз,
Не свалиться ничком на дорогу? –
Я не падаль, не сволочь, не трус,
И не жалею свечке и Богу.

Отражения наши мечутся
В поднебесных кривых зеркалах,
Кто сгорает в огне, тот светится,
Кто сгорел – обратился во прах.

CASUS

В мрачном склепе уже коченеет Джульетта,
Рядом с нею очнулся безумный Ромео.
Где ты! – вскричал он. – Милая, где ты!..
Голос ему отвечал: Laus Deo!
Нет! О, Джульетта, очнись! Ты прекрасна!.. –
Не унимался несчастный Ромео.
Голос ему отвечал безучастно:
Noli turbare circuios meos,
Нос reformatio, глупый Ромео,
In pejus.

Реквием

Убит был солдат,
убит,
и чёрный ворон генерал
над телом его кружит.
Не вставай, солдат,
честь не отдавай,
ты устал от войны,
ты упал,
ты убит.

Вот и утихнул гром,
и прекратился град.
Уже не нужно мечтать,
опять представляя дом,
где девушка будет тебя встречать,
как распахнётся её дверь,
когда ты вернёшься с войны.
Поверь,
можно уже не считать
дни
от разлуки,
можно не чувствовать боли
и муки,
и тяжести на душе.
Никто тебя не неволит
уже,
никто не желает зла.
Отпусти их, солдат,
отпусти!
Жизнь прошла,
ты убит,
спи.

Вечность

Memento quia pulvis est.

Мне как будто снится,
или
над землёю клубы пыли.
На предметы и на лица,
на поля, на океаны
пыль ложится;
как проклятие, как чары –
пыль, пыль.
Сбился с курса кормчий старый,
режет волны киль;
на четыре стороны
все погашены огни.

Не кричи,
ведь быть пророком
здесь считается пороком!
От пророка ведь морока –
лучше водку пить стаканом,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.